

Эвелина Андерсон ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПРИВОРОТА

Сколь безрассудно, беззаветно я любила, настолько стала моя ненависть сильна...

Предисловие

Вот и вышло продолжение моего произведения «Неумелый приворот» в жанре беллетризованной автобиографии. В новой части романа «Обратная сторона приворота» речь пойдет уже не о детской шалости и юношеских переживаниях, а о вполне взрослых страданиях и проблемах.

Спасибо моей мамочке, которая всегда поддерживала и учила быть сильной, стойкой, несгибаемой. Именно ты помогла мне стать тем, кто я есть сейчас, и я очень благодарна тебе за все!

Спасибо горячо любимой подруге Свете Ханнинен, которая разделяла мою боль, утешала, веселила и всегда была рядом. Без твоей поддержки я бы не справилась.

Сердечная благодарность Анечке Чебан —

моему неизменному бета-ридеру, советнику, корректору и редактору в одном флаконе! У нас впереди еще долгие годы сотрудничества))).

И снова огромное спасибо Евгении Sternred Веселковой за потрясающие иллюстрации — благодаря тебе мои герои оживают на страницах книги!

И, конечно же, спасибо моему мужу Диме за то, что любит меня такой, какая я есть.

А теперь предлагаю дорогому читателю ознакомиться с продолжением истории моей первой любви. Надеюсь, мой опыт убережет кого-то от ошибок, которые совершила я.

Все имена действующих лиц, названия и некоторые события изменены.

...Ненавижу за то, что тебя так долго не было со мной!

Ненавижу за то, что ты так низко пал!

Ненавижу за то,

что ты слишком поздно вернулся!

Ненавижу за то, что вообще вернулся...

Ненавижу за ложь!

Ненавижу за то, что слишком сильно люблю.

Слишком сильно...

13.01.2001

С того момента, как было принято решение вычеркнуть свою первую любовь из жизни, я ощутимо изменилась как внешне, так и внутренне. Во мне вдруг проснулась девушка, которая хочет нравиться, которой необходимо внимание и восторг. Джинсы и спортивные брюки сменились милыми платьишками, озорными юбочками и коротенькими шортиками; я начала пользоваться тушью, красить ногти и убирать волосы в простые, но женственные прически. В общем, делать все для того, чтобы снова стать настоящей девушкой, чего я избегала до последней ночи. Раньше мне казалось, что подобное поведение будет предательством Егора, и спровоцирует окружающих воспринимать меня свободной и готовой к отношениям. Непонятно, с чего вдруг в голове пятнадцатилетней девчонки появились подобные убеждения, но, тем не менее, я им неукоснительно следовала. И когда минувшей ночью с обрыва полетели сброшенные моей рукой милые сердцу сувениры, хранившие память о любимом парне, был уничтожен личный дневник — молчаливый свидетель моего первого трепетного чувства, можно было смело делать шаг навстречу новой жизни.

Почувяв снятие барьеров, мои воздыхатели

бросились в атаку. В столовой со мной неизменно сидело пятеро парней, которые постоянно веселили, делились вкусностями, подвигали стул, подавали руку и всячески угождали. На дискотеках мне ни разу не приходилось грустить у стеночки — все медляки разбирались ребятами за несколько дней до события. Вообще-то я никогда не испытывала недостатка в ухажерах, но то, что устраивали эти герои, было необычно и безумно льстило моему самолюбию. Конечно, не обошлось без девчачьей ревности — мне грозились выцарапать глаза и выдрать волосы. Правда, только за спиной, поскольку связываться с воспитательской дочкой никто не смел, даже не смотря на то, что на время пребывания в лагере я старательно дистанцировалась от мамы во избежание ненужных проблем. К тому же, наслушавшись о моей разудалой чердачной юности, злопыхательницы прекрасно понимали, что вполне могут получить щедрых тумачков.

Из всех ребят я отдала предпочтение одному — тому, кто был со мной рядом с самого первого дня. Симпатичный, высокий и сильный Юра оказался идеальным кандидатом на роль моего парня. К тому же, он был на полтора года старше всех в лагере, а в те времена это казалось весомым аргументом. Мы стали встречаться с Юрой, но эти отношения настолько разительно отличались от

предыдущих, что у меня появились сомнения в правильности своего решения. Я не вздрагивала от его прикосновений, хотя он замечательно целовался; мое сердце оставалось абсолютно спокойным, когда мы танцевали или лежали, обнявшись на кровати, за разгадыванием кроссвордов. Этот парень был безумно нежен, ласков, заботлив, мне было тепло с ним и комфортно, но не более. Однако я продолжала отношения, надеясь, что они выйдут на новый уровень.

Так проходил день за днем.

Последние недели пребывания в лагере мне почему-то все чаще стали сниться сны, связанные с беременностью. Просыпаясь, я замечала свои руки лежащими на животе, и первой мыслью всегда было: «Это всего лишь сон. Как жаль...» Помню, как днем в тихий час мне в очередной раз приснился аккуратный животик, и я даже ощущала, как малыш толкается. Но открыв глаза, едва не расплакалась, настолько сильным оказалось желание иметь ребенка. Забравшись на тумбочку, я закричала:

— Хочу маленького родного человечка, которого буду носить на ручках и любить всегда-всегда сильно-сильно! Хочу ребенка!

Девчонки в палате посмотрели на меня, как на чокнутую. Ещё бы — пятнадцать лет! Какой

ребенок? Я и сама была в шоке от нахлынувшего непонятно откуда, столь острого чувства материнства. Впрочем, после этого случая, беременные сны меня больше не беспокоили.

Вторая смена закончилась. На прощальной дискотеке я перетанцевала со всеми своими поклонниками. Мы впервые поссорились с Юрой. Единственный раз за все время мне довелось увидеть его взбешенным и услышать крик, наполненный яростью и обидой:

— Зачем ты это делаешь? Ты же моя девушка! Думаешь, мне приятно? Что я, по-твоему, должен чувствовать, когда они все тебя обнимают и прижимаются?

— Юра, это просто танец! Я больше двух месяцев была только твоей, а сегодня прощальная дискотека. Могу я сделать приятно тем, кому не досталась?

— Сделать приятно кому-то, причиняя боль мне?

— Хватит быть таким собственником и эгоистом! — я начала злиться, раздражаясь этой попытке ограничить мою свободу действий, тем более что ничего плохого в нескольких медленных танцах не видела.

— Скажи, только честно — что ты ко мне чувствуешь?

Я замялась, подбирая правильные слова.

— Ты мне очень нравишься.

— Тебе многие нравятся, как друзья. Ты меня любишь? Смена закончилась, я увижу тебя еще в городе? Мы будем встречаться за стенами лагеря?

Я уверенно ответила на все вопросы сразу:

— Не хочу тебя обманывать, поэтому отвечаю — нет. Прости.

Юра молча смотрел, пронизывая насквозь глубиной своих синих глаз. Внезапно он резко схватил меня и впился в губы — страстно, настойчиво, грубо. Таким я его не знала... Обычно наши поцелуи были нежными, мягкими, теплыми. А сейчас столько страсти, силы и любви смешалось в одном горячем порыве. Так когда-то целовал меня Егор... Закрыв глаза и обняв его за шею, я ответила. В последний раз...

Больше мы никогда не виделись.

Из лагеря родители отправили меня напрямик в деревню. Сенокос, прополка, сбор урожая — заботы сельской жизни поглотили целиком, не оставляя времени на размышления даже по ночам, когда гудели ноги и закрывались от усталости глаза. Только накануне отъезда я вдруг расплакалась навзрыд, упиваясь красотой ночного августовского неба. Усыпанное миллионами мерцающих звезд, оно было так до невозможности

прекрасно, что мне хотелось смотреть и смотреть на него, наполняться этим сказочным зрелищем, впитывать совершенство природы каждой клеточкой своего тела. А в душе откуда-то появилось неясное чувство тревоги — как будто я прощалась с детством, словно это последнее лето юности, завершение очередной главы моей жизни...

II

Вернувшись в город, я с головой погрузилась в школьные заботы — впереди маячил десятый класс. Наши образовательные пути с моей лучшей и, пожалуй, единственной подружкой Софией разошлись — она отправилась в колледж за специальностью, а я осталась в школе получать полное среднее образование. Но мы продолжали общаться, делиться впечатлениями, эмоциями, историями. В первую же встречу после летних каникул я поведала о своих приключениях в лагере, и рассказала, как однажды ночью избавилась от всего, что напоминало мне о Егоре. София удивленно вскинула брови:

— Ты порвала стихи? — лучшая подруга, конечно, знала, что я начала рифмовать свои чувства и мысли после встречи с Егором, и понимала, насколько мне были дороги эти строки.

— Нет, стихи целы, потому что я не брала их с собой в лагерь.

— И что? Выбросишь? Отдай лучше мне!

— Не выброшу — жалко. У меня и так ничего не осталось, не хватит смелости лишить себя последней ниточки, связывающей с прошлым. Ведь не всегда было плохо, помнишь? Я же была с ним счастлива.

— Помню. Слушай, — София понизила голос, — а ты по-прежнему винишь во всем тот дурацкий приворот? Все еще думаешь, что приворожила Егора?

— Да, думаю. И виню. Только не приворот, а себя. За то, что была такой идиоткой, решив не ждать, пока он сам влюбится. Ты же прекрасно помнишь, во что все это вылилось: как он внезапно исчез из моей жизни, а потом начал метаться — то вернется, то уйдет. А мне какво было? Я только привыкла, что он рядом, как приходилось снова отвыкать, и все это так больно рвало душу... Сколько слез я пролила, сколько надеялась, обещала самой себе забыть его. А толку? Смогла забыть? Не знаю... Только в одном я уверена — никогда больше не буду шутить с приворотами, да и вообще с магией, потому что ни к чему хорошему это не приводит.

— И что же дальше? — София слушала меня внимательно, и верила каждому слову.

— Дальше? Не знаю. Найду себе парня, построю отношения, может, повезет, и я влюблюсь.

Да что все обо мне, ты как?

— Ой, а я вообще прекрасно!

И подруга рассказала, что вернувшись из лагеря, сразу обзавелась двумя настойчивыми ухажерами, из которых она никак не могла выбрать. А все потому, что ее сердце было занято парнем, с которым они познакомились в лагере и провели вместе две счастливых смены. Уже несколько раз им удалось встретиться в городе, поэтому София не спешила заводить отношения с кем-то из нашей компании, надеясь, что их летний роман получит продолжение. Забавно, но ее любовь звали также как мою — Егор.

Втянувшись в учебу, мы, наконец, немного расслабились и опять вернулись в нашу компанию. За лето парни ощутимо изменились, возмужали и окрепли: под одеждой четко прослеживались рельефы мышц, ребята больше пили, чаще курили, громче матерились; кто-то нашел работу, кто-то ушел в армию, кто-то строил далеко идущие планы, учась в университете.

Влад, отдохнувший на море, заметно выделялся на фоне остальных благодаря южному загару. При первой же встрече я поймала на себе его взгляд, в котором ничего не изменилось — я

по-прежнему нравилась ему. Только меня это не трогало. Почему? Не знаю, возможно, он напоминал мне об отношениях с Егором, о той первой, сумасшедшей любви, ради которой я отвергла Влада, и которую потеряла. Теперь он казался мне просто одним из многих, может, даже другом, но ничего больше.

Осень баловала последними теплыми деньками, настроение было приподнятое, в школе все шло ровно и без особых усилий. У нас с Соней оставалось предостаточно времени на ежедневные гулянки и посиделки темными вечерами возле подъезда. Неизменно кто-то из наших ребят оказывался рядом, оберегая, как верный рыцарь, от опасностей, которые везде и всюду подстерегают молодых симпатичных девушек.

Прошло три недели. Деревья стали менять свои зеленые одежды на яркий осенний принт: ярко-желтые, багрово-алые, фиолетовые, зелено-коричневые — какого только не было цвета под ногами и над головой. Заморосили первые холодные дожди. Питерское небо все чаще затягивалось серыми тучами, вынуждая горожан каждое утро брать с собой зонты. Однако ничто не могло заставить нас сидеть дома, тем более что у осенней непогоды были передышки. Как, например, в один из последних сентябрьских дней.

Мы с Софией коротали утро субботы на

чердаке, прячась от дождя. На самом деле, после всех произошедших со мной событий, я довольно редко навевалась в подвал или на чердак. Не могу назвать точную причину, возможно, просто перегорела. Но когда на улицу невозможно выйти без болотных сапог, какие бывают у заядлых рыбаков, а дома тоска съедает заживо, гораздо приятнее провести время в привычной компании.

Мы сидели, играли в карты, как вдруг кто-то предложил навеститься к Лешке, проверить обстановку и, если он дома один, заявиться на чай. Словно выгоняя нас из темного помещения на улицу, в узенькие чердачные окошки неожиданно пробились озорные солнечные лучи. Влад вызвался сходить к Леше, а я зачем-то увязалась следом.

После трех суток непрерывных потоков воды, обрушившихся с неба, выглянувшее к середине четвертого дня солнце играло в лужах на асфальте, любясь своим отражением и всеми красками искрясь на мокрых листьях. Поднимаясь на пятый этаж по лестнице соседнего дома, я заглянула в лицо моего бывшего парня.

— Карие у меня глаза, карие! Ничего не изменилось! — довольно дерзко заметил Влад.

— Дааа, — протянула я, — совсем ничего не изменилось.

Что двигало мной в ту минуту? Зачем я это сделала? Почему? Я просто прикоснулась губами к

его губам, а он не смог остановиться... Только отстранившись, посмотрел на меня и спросил с надеждой:

— Ты вернулась?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Просто захотелось.

— Но ты же знаешь, что я жду!

— Знаю. Но не могу. Не хочу. Не люблю.

К Лешке он пошел один, а я, покрасневшая от бурлящих в крови гормонов и чувства какого-то непонятого садистского удовлетворения, побежала вниз.

На скамейке во дворе уже сидели двое ребят и София, которые, видимо, отправились сразу за нами. Мой взгляд остановился на Игоре, и я подумала: «Блин, а он похорошел: симпатичные кудри, убранные в стильную прическу, широкая белозубая улыбка, сильный накачанный торс, обтянутый белым джемпером, карие глаза, глядящие с усмешкой. Неужели это тот парень, который пытался в свое время ухлёстывать за мной?» Наверное, я сошла с ума, раз в моей голове стали появляться такие мысли. Но то, что я сделала дальше, и вовсе не поддавалось никакому логическому объяснению. Подойдя к Игорю, я села к нему на колени и, играя пальцами непослушным завитком его волос, мягко промурлыкала:

— А у меня родители уехали, может, что-нибудь придумаем?

Его загоревшимся взглядом можно было спалить целый лес, а голос выражал явный восторг.

— Конечно, придумаем!

Скрипнула дверь, и показался Влад.

— Лехи нет дома. Он... — взгляд выхватил меня, сидящую на чужих коленях, и Влад замолчал. Я равнодушно улыбалась, не испытывая никаких эмоций. Зато Игорю стало не по себе, и он аккуратно пересадил меня на скамейку рядом.

— ... уехал куда-то. Ладно, пока, — закончил Влад и, не глядя, прошел мимо меня.

Все молчали. Первым нарушил тишину Антон:

— Зря ты так. Владик хороший парень.

— И?! Мне всех хороших парней жалеть?

— Вы же с ним встречались.

— В прошедшем времени, — я усмехнулась. — Все кончено, причем, давно.

— Но в окно было видно, как вы целовались.

— Всего лишь прощальный поцелуй.

— А я думал...

— Блин, Антон! Хватит! Это мое дело! Ясно?! — я уже была готова взорваться. Настроение испортилось и захотелось уйти.

— Соня, ты идешь?

Подруга посмотрела на меня, потом на Игоря.

— Нет, милая, я останусь.

— Ну, ты... жопа!

Быстро развернувшись, я пошла в сторону дома. Сразу за мной встал Игорь:

— Я провожу.

Мы шли рядом и молчали всю дорогу. А о чем нам было разговаривать? Я злилась на подругу, злилась на Антона, сующего нос не в свое дело, злилась на саму себя за собственное поведение.

Возле подъезда Игорь спросил:

— Это ты серьезно говорила насчет родителей?

— Вполне. Что, решил воспользоваться предложением? — голос звучал зло и язвительно.

— Зачем ты так? Если передумала, так и скажи. Ничем я не решил воспользоваться.

— Ладно, прости, просто плохое настроение. Приходите с Антоном в девять вечера. Сегодня. Пока, — последнее слово я произнесла, уже стоя в дверях на лестницу.

Дома я еще долго отходила. Меня взбесили попытки влезть в мою жизнь и комментирование моих поступков. И Соня. Подруга, называется — бросила меня одну!

Приступив к «вылизыванию» квартиры, я потихоньку остыла. Раньше у нас в гостях не бывало никого из нашей компании, поэтому мне захотелось немножко побыть радушной

хозяйюшкой. Уборка действовала благотворно, через пару часов от дурного настроения совсем не осталось следа, и я решила позвонить Софии.

— Хоть ты и жопа, я всё равно тебя люблю! — крикнула в телефонную трубку.

— Ну, спасибо! Это с чего вдруг такие обвинения?

— С того, что ты не пошла со мной, бросила, — в голосе уже не было злости, но все еще слышалась обида.

— Вообще-то, мне твой Игорь сказал не идти.

— Вообще-то он молчал. И, кстати, он — не мой.

— Блин! Да он смотрел на меня, и так мотал своей башкой, что она чуть не отвалилась. Тут и слов не надо — все понятно.

— Да ладно?!

— Прохладно! А ты сразу наезжаешь.

— Все, прости-прости, ты хорошая. Ну что, придешь вечером с Антоном?

— Ты серьезно, что ли? А родители, а сестра?

— Родители на дежурствах, Лиза у тетки осталась в гостях, там племяншке кукольный дом подарили, вот они и залипли на пару. Так что, придешь?

— Приду, конечно! А Мишка?

— Эээммм... Это еще зачем?

— Ты ж знаешь, как я балдею от его глаз! — в

голосе подруги послышался нескрываемый восторг.

— Мне его за глаза красивые позвать что ли?

А как же Антон?

— Пусть будет!

— И она еще что-то про меня будет говорить, когда сама определиться не может! — я усмехнулась, — у тебя же и лагерный, и эти двое.

— Да, ладно, лагерного я люблю, а это так, баловство.

— Ненормальная ты баба! Фиг с вами, бери Мишку.

На том и порешили.

III

Соня пришла в половину девятого, быстро сбросила сапожки с пиджачком, и устроилась на кресле, поджав ноги — мы хотели обговорить детали предстоящего вечера, грозящего перейти в ночь.

— Секса не будет! — сказали в один голос и захохотали — сакраментальные фразы мы частенько поизносили вместе — не зря же подруги.

— Просто посидим, музыку послушаем, — продолжила Соня.

— Ага, чай попьем, — я ухмыльнулась, вскинув брови, — сомневаюсь, что нам удастся отмазаться только чаем.

— Ну ладно, хорошо. Давай, определим рамки — в лифчик можно?

— Не знаю, наверное, не стоит... — я засомневалась.

— Ага, конечно. Значит, тебе с твоим Егорушкой можно было, а мне...

Я оборвала подругу на полуслове:

— Соня, прекрати! Я не хотела бы вспоминать об этом человеке ни сейчас, ни когда либо, ты прекрасно знаешь.

— Извини, забылась. Только не дуйся, ага? — София спрыгнула с кресла и, подбежав ко мне, крепко прижалась своей щекой к моей.

— Все, все, хорош обжиматься, я не дуюсь. Так, о чем мы? В лифчик, если хочешь, можно.

— А в трусы? — Соня скорчила смешную рожицу, распахнув свои и так большие голубые глаза в притворном ужасе.

— Нее, в трусы нельзя, — я улыбнулась и погрозила ей пальцем. — Ты, типа, не знаешь, что если парень заведется, хрен остановишь. Нас, конечно, не изнасилуют, раз за столько времени не тронули, но искушать судьбу не стоит.

— Ты права, поцелуемся и будет.

Действительно, за все время, что мы дружим с ребятами, от них даже намеков не поступало на интимные связи. Все чинно-благородно — обнимашки, целовашки и ничего большего. За это

трепетное и уважительное отношение наша благодарность к ним день ото дня возрастала в геометрической прогрессии. Пока мы строили планы, подошло время, и раздался звонок в дверь.

— Пришлиии... — зашептала София.

— Ааа, черт! — вскочив, я заметалась по комнате. — Я как-то не уверена... Может, не откроем, как будто нас нет?

— Ксюша, ты че — ку-ку? — подруга покрутила пальцем у виска, — давай, открывай!

Я тихонько подошла к двери и посмотрела в глазок.

— Кто?

— Свои! Открывайте, совы, медведи пришли!

— Книжек детских начитались?! — мы обе встали в проеме распахнутой двери.

— Заходите быстрее, пока соседи не запалили, — Соня схватила Мишу за рукав и потащила в коридор.

Ребята вошли в квартиру, сняли обувь и прошли в гостиную.

— Ого! У вас, прям, хоромы! — Антон восторженно озирался по сторонам.

— Ааа, это остатки прежней роскоши. Наша прабабка в лучшие времена была обеспеченной владелицей салона красоты, поэтому могла позволить себе жить в комфорте.

Квартира нам и правда досталась прекрасная:

трехметровые белоснежные потолки, по периметру украшенные лепниной; огромные, практически панорамные, окна; просторные комнаты, уставленные недорогой, но стильной и удобной мебелью. Многое изменилось за долгие годы, но в гостиной по-прежнему висела хрустальная люстра. Каждый раз, когда зажигался свет, на бежевых стенах начинался танец разноцветных огоньков, которые путались в изящных завитках рисунка на обоях. Как же нам с младшей сестрой нравилось наблюдать за этим завораживающим зрелищем, хотя физики такое невероятное волшебство называют всего лишь двумя словами — дифракция света.

Итак, в нашем распоряжении были три комнаты из четырех, поскольку родительская спальня являлась строгим табу.

Сперва мы посидели перед телевизором, развлекаясь тем, что комментировали все, что видели. Потом Игорь предложил сыграть в бутылочку. Отклики оказались вялыми, но решили, всё же, пару раз крутануть. Первый круг выпал Софии и Антону.

— А кто кого целует? — подружка притворилась абсолютным новичком в этой популярной подростковой игре.

— Кто крутит, то актив, — пояснил Игорь.

Соня быстро чмокнула Антона в уголок губ,

вызвав его негодование.

— Это что за халтура?! Давай нормально, взасооооо! — нараспев затянули Игорь с Антоном.

Соня хмыкнула, и приготовилась выполнить задание более ответственно, как вдруг вмешался Миша.

— Выкупаю! Бутылка пива, — и он, ловким движением фокусника, извлек из стоящего рядом рюкзака бутылку темного.

— Это что еще за фигня? Как это — выкупаю? — удивился Игорь, видимо, не подозревавший о существовании подобных пунктов в правилах.

— А так — могу выкупить поцелуй у Антохи, а могу у Сони, во втором случае я поцелую тебя, дорогой, — повернувшись к Антону, Мишка вытянул губы трубочкой и заржал.

Само собой, во избежание такого позора, Антону пришлось согласиться на бутылку.

Миша встал, подошел к Соне, и, взяв за руку, повел на диван. В это время я посмотрела на Игоря, и поймала внимательный взгляд его карих глаз.

— Пойдем, выйдем на минутку, — обратился он ко мне, вставая и направляясь в коридор.

Я задумалась, но спустя несколько секунд пошла за ним. Неожиданно быстро Игорь оказался в соседней комнате, сидящим на кровати.

Подходить не хотелось, поскольку непонятно

было, что там за мысли в голове, и почему он уселся на кровать. Поэтому я спросила, стоя в дверях:

— Чего ты хотел?

— Иди сюда... — Игорь похлопал себя по коленям, — ты так хорошо на них сидела во дворе.

Медленно приблизившись, я аккуратно присела, но он сгреб меня в охапку и посадил наездницей, при этом забавно цокая и изображая конский бег:

— Тыгдым, тыгдым, цок-цок!

Деваться было некуда, и мне не оставалось ничего другого, как поддержать игру. Вцепившись в каштановые кудри, я выдала:

— Тпррррруу! Стой!

— Ты всегда такая агрессивная? — в его голосе слышалось не то удивление, не то восторг.

— Нет, — я наклонилась так близко к уху Игоря, что мое дыхание касалось его шеи, — иногда я бываю очень ласковой и нежной.

Его дыхание стало частым, веки прикрылись, а под моей рукой, лежащей на его груди, быстро заколотилось сердце — очевидные признаки возбуждения, но мы же с Соней договорились держать рамки.

«Так дело не пойдет, — подумалось мне, — надо срочно остудить пыл».

— А иногда могу и треснуть! — я легонько

щелкнула его по носу, стараясь вывести из слишком опасного состояния.

Попытка с треском провалилась. Он взял меня за запястье и медленно положил мою ладонь на свой затылок. Для этого ему пришлось притянуть меня совсем близко, так, что наши лица находились всего в нескольких сантиметрах друг от друга. Поцелуй оказался неизбежным. Его мягкие губы нежно прижались к моим, и проскочила мысль: «Ого, как будто бабочка крыльями коснулась». Но в тот же миг ожидания разбились вдребезги — казалось, он хочет меня съесть: губы, подбородок, нос — он умудрился облизать все мое лицо. Такие мокрые поцелуи просто ужасны, отвратительны. Какой кошмар! Я попыталась высвободиться, но не тут-то было — сильные руки стальным обручем сжали мое тело.

К счастью, эти мучения продолжались недолго, потому что пришел Антон.

— Тебе чего? — Игорь явно был недоволен появлению друга, в отличие от меня.

— Да, не могу я смотреть, как они там целуются.

Мне стало жаль парня. Соня даже не задумалась, каково ему, будучи влюбленным по самые уши, наблюдать за ее откровенными играми с другим. Хотя...я и сама хороша — вспомнился взгляд Влада, увидевшего меня на коленях Игоря,

вспомнился гнев Юры, наблюдавшего мои танцы с другими. Так вот, как это выглядит со стороны?!

— Ясно, — недовольный Игорь, наконец-то, разжал объятия, и я смогла вздохнуть нормально.

А потом вбежала София — вся раскрасневшаяся и растрёпанная, пуговики на блузке расстегнуты до самого низа.

— Любимая! — Она запрыгнула к нам на кровать, порывисто обняла и поцеловала прямо в губы. А я, находясь в каком-то непонятном состоянии, ответила на ее поцелуй, который оказался гораздо более мягким и приятным, чем с Игорем. Парни, в шоке от происходящего, хлопали ресницами, выпучив глаза.

— Вы «эти»? — первый очнулся Антон.

— Нет, мы не «эти», просто немного чокнутые.

Нас так развеселила и позабавила реакция ребят, что мы захохотали.

Вдруг раздался стук в дверь. Учítывая, что часы показывали два ночи, а мы никого не ждали, стало страшновато.

— Быстро бегите в гардеробную и прячьтесь! — я лихорадочно соображала, кого черт принес, но на всякий случай решила спрятать своих гостей.

— Но там мало места... — возмутился Антон, который был намного крупнее остальных.

— Как хотите, так и пакуйтесь! — зашипела София, бедром оттесняя Мишу к гардеробу.

Подойдя к двери, я хотела открыть задвижку, но к своему ужасу поняла, что она и не закрыта вовсе! То есть, мы с самого начала сидим с открытой входной дверью. В голове пульсировали мысли: «Где был мозг? Почему не проверили дверь? В кого я такая рассеянная?» В любом случае, думать об этом было поздно.

На пороге стояли двое парней — мы иногда видели их во дворе, оба лет на пять старше нас. Какого лешего им здесь надо, интересно?

— Привет. Чем занимаетесь? — спросил тот, что повыше.

— Спим, — в один голос ответили мы с Соней.

— Ну да, ну да, — скептически заметил второй, уставившись на расстегнутую блузку моей подруги — поэтому у вас губы такие красные?

— Обветрились, — выдала я первое, что пришло в голову.

— Пустите?

— Нет, бабушка дома.

— А мы слышали, никого нет.

— Вас обманули, родители уехали, а бабушка осталась, и у нее очень хороший слух. Доброй ночи.

Я закрыла дверь и посмотрела на Софию. Несколько минут мы обе молча стояли, вообще

ничего не понимая — откуда они узнали про родителей, зачем пришли, чего хотели...

— Фигня какая-то, — наконец, задумчиво произнесла подруга.

— Да уж. Ты говорила кому-нибудь, что у меня сегодня никого дома нет?

— Ты что, сбрендила? Только Мише, когда приглашала.

— Откуда они тогда узнали? — мне не давал покоя этот вопрос.

— Понятия не имею. Да разве это сейчас важно?

— Ты права, теперь уже какая разница. Но мне такие приколы не нравятся, — я хмурилась и продолжала гонять в голове мысли о неожиданных визитерах.

Мы выпустили парней из гардероба, в котором они с трудом разместились, и стали думать, как быть дальше. В моей голове созрело только одно решение. Скрестив руки на груди, я безапелляционно заявила:

— Знаете, что, давайте по домам, что-то меня эта вся история напрягает. Утром родители приедут, а тут непонятно что происходит. Так что, собирайтесь и пока-пока.

Парни побубнили немного, но довольно быстро оделись и ушли. Мы с Софой подчистили следы гостей, легли и мигом уснули.

С этой ночи я стала встречаться с Игорем. При ближайшем рассмотрении он оказался очень обаятельным, галантным и заботливым, да и моим родителям сразу понравился. Игорь постоянно баловал меня шоколадками, мягкими игрушками и цветами, я купалась в его внимании и весело проводила время. А вот полюбить не могла, как ни старалась. Были теплые чувства, доверие, появились даже первые признаки пробуждения страсти. Конечно, это стало возможным только после того, как он перестал облизывать мое лицо во время поцелуев... Не было никаких признаний, мы не обсуждали наши отношения. Хотя, в какой-то момент на меня что-то нашло, и я заговорила с ним о любви... но к другому. Я рассказала Игорю про Егора, в деталях описав свои ощущения и эмоции от пережитого. Он, на удивление, терпеливо меня выслушал и даже посочувствовал, обзвав Егора кретином, потерявшим ТАКУЮ девушку.

Наши отношения развивались медленно и ровно. Игорь учился в техникуме, я ходила в десятый класс, вечерами мы гуляли, держась за руки, и болтали о пустяках. Иногда размышляли о будущем, ведь скоро Игорю предстояло идти в армию, и он беспокоился, буду ли я его ждать.

Одним зимним вечером я вдруг почувствовала недомогание, поднялась температура, а через

несколько часов ужасно заболел живот. Мама вызвала скорую, и мы поехали в больницу с подозрением на аппендицит. Я совсем не чувствовала страха, зато маму всю трясло от переживаний. В приемном покое она забрала все мои вещи и украшения, а меня после осмотра положили на каталку, прикрыли простыней до шеи, закатали в лифт и повезли в операционную. Все тело трясла дрожь, потому что, судя по одетым в ватники санитаркам, было довольно холодно. Одна из сопровождающих сжалась и, вытащив откуда-то шерстяное казенное одеяло, набросила его на меня. Первая в жизни операция прошла быстро. Я запомнила только укол, после которого мне стало ужасно тяжело дышать, начался дикий кашель, послышался голос хирурга: «Давай скальпель 0.1, девочка худенькая», а потом провал...

Очнулась я в палате с невыносимо саднящим горлом, сдавливающим кашлем и жуткой болью в области живота при попытке шевельнуться. Как оказалось, аппендикс был воспален незначительно и, в принципе, без операции можно было обойтись. Но врачи решили удалить «на всякий случай», видимо. Мне предстояло отлежать в больничной палате около недели, что, конечно, сильно напрягало. Но тут Игорь проявил все свои лучшие качества: он ежедневно приезжал проведать, сидел

рядом со мной, держал за руку, уверяя, что все будет хорошо, и я скоро поправлюсь. Приезжала мама, кормила меня бульоном с ложечки; приезжала София, одноклассницы развлекали и баловали минеральной водой, потому что больше мне ничего было нельзя. Игорь существенно поднялся в моих глазах и я ничуть не жалела, что согласилась стать его девушкой.

Платоническая пора наших отношений с Игорем продлилась больше года. Мы гуляли, обнимались и целовались в подъезде, иногда я даже позволяла залезть мне под блузку. А он не настаивал на большем, просто ждал.

Начитавшись и наслушавшись печальных историй про девушек, отдавших свою девственность любимым парням, которые сразу бросали их, разбивая сердца и доводя до суицида, я решила, что ни за что не отдамся любимому парню. А Игоря я его не люблю, и если он меня пошлет сразу после секса, страдать от этого не буду. Он чистоплотный, нежный, заботливый, по крайней мере, мой первый раз с ним не случится спьяну где-нибудь в подъезде. Итак, в 16 лет я почувствовала себя готовой к началу жизни «взрослой зрелой женщины».

В один из мартовских дней мы с Игорем долго гуляли, и я немного замерзла. Обняв меня и заглядывая в глаза, он спросил:

— Может, ко мне?

Я робко кивнула...

До этого мне еще ни разу не приходилось бывать у него дома. Квартира небольшая, но очень уютная, видно, что у хозяев прекрасный вкус.

— Проходи.

Игорь помог мне снять пальто и открыл дверь в комнату.

Я быстро оглядела обстановку: широкий диван, мягкий розовый свет настенного бра, секретер, музыкальный центр, шкаф, стул, небольшой журнальный столик, на котором стояла ваза с фруктами и сок. Надо же, безалкогольная вечеринка, а я б бахнула для храбрости — не каждый день такое событие...

Игорь включил музыку, и стал кормить меня виноградом, попутно поглаживая мое бедро. Я не сопротивлялась... Поцелуи становились откровеннее, ласки — смелее, тело таяло под его умелыми горячими руками, отзываясь на каждое прикосновение. Довольно быстро с меня исчезла одежда — я не успела ничего понять, как платье и колготки оказались на полу. Его горячие страстные поцелуи дурманили мой разум, сквозь прикрытые

ресницы я смотрела, как меняется его лицо, чувствовала, каким жарким становится дыхание, ощущала, сколь нетерпеливо руки справляются с застежкой бюстгальтера. Страх первого секса сменился любопытством: «Как это будет? Это больно или приятно? А море крови будет? А презерватив у него есть?» Но все мысли исчезли также внезапно, как появились.

В его глазах бушевало пламя, погасить которое сейчас могла только я, и осознание этого заставляло меня гордо вскидывать голову. Горячая ладонь, скользящая по моему бедру, внезапным движением оказалась между ног, и пальцы нетерпеливо потянули вниз черные кружевные трусики. Тихая мелодия, доносившаяся из динамика музыкального центра, сливалась с нашим дыханием. Мое возбуждение росло с каждым прикосновением его рук, с каждым поцелуем. Игорь, невероятно сексуальный и мужественный, лежал поверх меня, опершись на локти. Высвободив одну руку, он начал снимать с себя трусы. И в этот миг мой взгляд наткнулся на часы — десять минут одиннадцатого!

— Ой, — вскрикнула я, — мне ж домой пора! Мама прибьет!

Ловко выскользнув из-под разгоряченного парня, я, со скоростью новобранца в армии, оделась и выжидающе посмотрела на ошалевшего Игоря:

— Проводишь?

Вместо ответа он молча оделся, и мы вышли на улицу.

До моего дома было семь минут ходу, и за это время он выкурил три сигареты, держа их дрожащими пальцами, сказав только одну фразу:

— Ох... ренеть. Меня еще никто никогда так не обламывал.

— Прости, это не специально. Я, наверное, не готова к такому шагу.

Мне и самой было не понятно, намеренный это поступок или сработал какой-то внутренний барьер. Перед подъездом Игорь меня поцеловал.

— Я думала, ты меня бросишь, — сказала я, и правда, удивившись.

— Шутишь? Не дожدهшься!

Он дождался, пока я поднялась на свой этаж и махнула ему в окно рукой, развернулся и пошел в обратную сторону. А я, мысленно поставив ему плюстик за терпение и заботу, отправилась в душ смывать с себя впечатления этого дня и аромат парфюма моего парня.

Мы продолжали встречаться, гуляли по вечерам, ходили в кино. Весеннее солнце пригревало все сильнее, на газонах сочно зеленела первая травка, среди которой желтыми горошинами виднелись крохотные головки отцветающей

мать-и-мачехи; маленькими заячьими хвостиками кое-где мелькали последние пушистые почки деревьев, в основной своей массе уже сменившиеся липкими кулечками нежно-салатового цвета. Я с безумной радостью сняла тяжелую зимнюю шубу, избавилась от сдавливающей уши шапки, которая нещадно электризовала мои волосы, и с огромным удовольствием переоделась в легкую курточку светло-желтого цвета. Вместе с одеждой я словно сбросила с себя ворох чего-то лишнего и ненужного, сразу ощутив невероятную легкость и открывшись навстречу новому.

Наступило 18 апреля. Дата, которая навсегда осталась в моей памяти. Именно в этот день мы снова пришли к нему домой.

Большой удобный диван оказался разложен и так аккуратно застелен свежим нарядным бельем, источавшим легкий приятный аромат, что казалось, будто это огромное королевское ложе из какого-нибудь женского романа. На уже привычном месте стояла корзинка с фруктами, сок и два стакана. Окна задернуты настолько плотными шторами, что через них не пробивались яркие лучи весеннего солнца, в комнате царил приятный полумрак. Лишь присмотревшись, я заметила огромный светонепроницаемый плед, прикрытый занавесками. «Вот это заморочился парень, надо же!» — подумалось мне.

— Включим музыку? — Игорь показал диск с записью, на котором я мельком успела прочесть тайминг — 90 минут.

Мозг возмущенно запричитал: «Полтора часа? Он издевается? Я не готова к такому марафону!» В голове мелькнула трусливая мысль снова сбежать, но я тут же прогнала ее прочь. В конце концов, мы шли к этому довольно долго, хватит уже тянуть.

В этот раз Игорь вел себя совсем иначе. В его движениях, словах, во взгляде появилось что-то такое... какое-то новое и неуловимое чувство, ставшее глубже и больше, чем было раньше. Медленно и аккуратно, словно боясь снова меня спугнуть, шаг за шагом он приближался к цели. Едва касаясь пальцами моего тела, Игорь расстегнул молнию на платье и, покрывая легкими поцелуями шею, стал спускаться губами следом за сползающим платьем, скользя по плечам и груди... Мой страх постепенно улетучился, стеснение исчезло, и тело стало отзываться на ласки. Аккуратно и неторопливо он освободил меня от одежды, и мы опустились на постель. Не отводя взгляда, Игорь взял мою ладонь и положил себе на грудь. Я приняла это молчаливое приглашение и стала робко расстёгивать на нем рубашку. Мои прикосновения к его горячей коже неизменно вызывали дрожь, которую я ощущала всем телом. Добравшись до брюк, я неожиданно смутилась, но

мягкая улыбка, возникшая на его лице, подействовала ободряюще, и я продолжила. Внезапно я поймала себя на мысли, что звук и вид расстёгивающегося ремня безумно заводит! Кто бы мог подумать... Я вдруг почувствовала приятное тепло внизу живота, губы приоткрылись, глаза распахнулись, дыхание стало частым и поверхностным. Видимо, от опытного взгляда Игоря не ускользнуло это изменение в моем поведении — он внезапно привлек меня к себе и, возбужденно целуя, со всей нежностью и настойчивостью, на какую только был способен, положил на кровать. Его руки исследовали мое тело, заставляя стремиться навстречу этим прикосновениями. Новое, неизведанное и непонятное ощущение, желание задержаться подольше под его искусными пальцами, разжигало во мне безумное пламя, рвущееся изнутри. Не переставая осыпать поцелуями мое тело, Игорь взял небольшую подушку и положил мне под бедра. На удивленный взгляд он уверенно пояснил:

— Так будет удобно и менее болезненно — я почитал.

Мне вдруг невыносимо захотелось улыбнуться: «Он почитал, академик. А как насчет опыта? Судя по слухам, с опытом проблем нет, но слухи одно, а реальность — другое. Хотя, помню их треп с парнями, когда он заметил, что с

девственницами дела не имел. Что ж, хоть в чем-то я у него буду первая. И такая неожиданная забота о моих ощущениях, несомненно, радует...»

Эти размышления прервал страстный требовательный поцелуй. Все сомнения насчет его опытности развеялись с первых движений — этот парень знал, что, куда и как; знали свое дело его тело, руки, губы и язык...

Стараниями Игоря мне практически не было больно, да и крови, про которую все говорят, тоже было совсем мало. Что касается ощущений, то они легко уложились в два предложения: «И это все? Непонятно, странно, не особо приятно, фигня какая-то, этот ваш секс».

Одно только маленькое, но очень важное упущение — мы не предохранялись. Он просто выплеснул все мне на живот, потом аккуратно стер полотенцем, отнес меня в ванную, помыл, вытер — в общем, нянькался со мной, как с младенцем. Несмотря на всю эту трогательную заботу, факт случившегося меня не обрадовал, и я довольно резко спросила:

— Какого хрена, Игорь, где презерватив?

— Порвался в процессе, а он у меня был один.

— Почему один, и почему ты не остановился?

— Остановиться? Ты шутишь?! Это невозможно, — он удивленно вскинул бровь.

— И ты так спокоен? — меня разозлило его

беспечное отношение к ситуации.

— Ничего не будет, не переживай, я здоров, как бык, — Игорь гордо выпятил грудь.

— Ладно, проехали. Мне пора домой.

Мы быстро оделись и вышли.

Всю дорогу я молчала, а он, словно успокаивая, нежно поглаживал подушечкой большого пальца мою ладонь, лежавшую в его руке. Возле подъезда Игорь заглянул мне в глаза и твердо произнес:

— Спасибо. Ты не пожалеешь, что доверилась мне.

— Очень хочется, чтобы это действительно было так.

Поцеловавшись, мы разошлись.

Дома я еще раз тщательно вымылась и легла спать, не поужинав — слишком много впечатлений от сегодняшнего вечера.

С этого события я стала ждать момента, когда он меня бросит. Но буквально через несколько дней Игорь подарил мне плюшевую собаку, говорящую: «Я люблю тебя». В голове заметались вопросы: «Люблю»? Прикалывается что ли? А как же, бросить меня, расстаться, получив мое тело? Я не рассчитывала на длительные отношения! Что-то пошло не так...»

Несмотря на мою уверенность в скором

разрыве, мы так и продолжали встречаться. Игорь открывал мне новые и новые возможности наших тел, знакомя с сексом во всех его лучших проявлениях. Я стала чувствовать партнера и получать удовольствие от процесса. Тем более что сбоев с предохранением больше не было.

Как это ни парадоксально, самое неприятное для меня заключалось в том, что относиться к Игорю я стала иначе. С каждым днем крепло чувство близости к этому парню, появилась ревность к другим девчонкам, с которыми он общался. Мне было непонятно, что происходит — если я влюбляюсь, то почему нет тех волшебных эмоций, кружащих голову и затуманивающих разум, которые дарили мне крылья? В душе расцветало и крепло другое чувство, которому я пока не могла дать названия, что выводило меня из себя. Периодические вспышки моего необоснованного гнева на Игоря гасились его поцелуями, клятвами в любви и бурным сексом.

V

Шло время, я окончила школу и готовилась к институту. Нагрузка была колоссальная, я поступала в пять университетов сразу, сдавая экзамен за экзаменом, засыпая с учебником в руках. Состояние мое заметно ухудшилось, кожа

побледнела, несмотря на теплые лучи летнего солнца; меня постоянно мутило, сбился менструальный цикл. Через несколько месяцев такого непонятного состояния здоровья, я решила сходить в медицинский центр для подростков.

Живо помню это событие: «На улице ясное утро, солнечные лучи нескончаемым потоком льются на зеленые деревья, играя в листве; пронзительно голубое летнее небо поражает своей чистотой и безоблачностью. Я захожу в здание центра, прохожу процедуру регистрации, где на основании жалоб меня почему-то сразу направляют к гинекологу. Взяв медицинскую карту, я иду по длинному коридору сразу в кабинет врача, ложусь на кушетку и обнажаю живот. Пожилая врач водит датчиком и улыбается:

— Воот какой хорошенький у нас малыш. Примерно 12–13 недель, сердечко чудесно бьется!

Сердечко в этот момент стучит у меня, да с такой скоростью, что и не сосчитать, сколько ударов в минуту.

— Ребенок? Как это ребенок?! Как так 13 недель? — в моем голосе удивление, смешанное с ужасом. Сказать, что я испытываю шок — ничего не сказать. Слова слетают с языка прежде, чем я успеваю их осознать — может, аборт?

— Ты в своем уме, деточка?! Тринадцать недель уже, первая беременность. Какой аборт?!

Жизнь у малыша отнимешь и себе поломаешь. Давай-ка, лучше, бери справочку и обрадуй папашу.

Врач выписывает мне справку с указанием срока беременности. Из центра я выхожу на негнущихся ногах».

Стерлась из памяти обратная дорога до дома, как звонила Игорю и велела срочно прийти. Помню только, как вышла ему навстречу и, рыдая, протянула справку.

— И что это значит? — в его глазах недоумение.

— Беременная! Сильно беременная, аборт поздно делать, — слезы текли по горящим щекам, но я их не чувствовала.

Игорь замолчал и я, расценив это молчание по-своему, развернулась, ядовито процедив сквозь сжатые зубы:

— Все понятно с тобой.

Весь оставшийся день прошел для меня в кровати, родителям пришлось сослаться на плохое самочувствие. Вечером позвонил Игорь, чему я не очень обрадовалась, и грубо спросила:

— Чего тебе?

— Не злись. Я все обдумал. Аборт ты делать не будешь, мы просто женимся, если ты согласишься, конечно. В конце концов, я же люблю тебя, и мы всё равно поженились бы, просто,

наверное, позже. Так что, говори своим предкам — я узнал в ЗАГСе, что несовершеннолетним требуется согласие родителей. Мне через две недели восемнадцать, так что я сам заявление напишу.

— Хорошо.

Я положила трубку и задумалась: «Надо же, какое получилось признание... Ведь он еще ни разу не говорил, что любит. А может и не любит, просто страх перед моими родителями. Сказать родителям... Боже! Как им сказать? Наша семья строгих моральных принципов, непонятно, почему я не такая. Папа вообще прибьет отца моего ребенка. Мама... Страшно за нее — здоровье слабое, неизвестно, как отреагирует... так не хочется ее расстраивать. Придется дождаться, пока она уедет на юг к друзьям, и написать письмо. Прямо сейчас и напишу, а как уедет — сразу отправлю».

Быстро набросав письмо, и надежно спрятав его, я выдохнула — первый шаг сделан.

А дальше я с каждым днем все больше и больше укреплялась во мнении, что этот малыш послан мне свыше. Вспомнилось, как год назад в лагере мне снилась беременность, наверное, не случайно я так безудержно хотела ребенка. «Теперь моя крошка нашла меня. Скоро я стану мамой, обниму свою деточку и мы проживем счастливой

семьей. Надеюсь...» — думалось мне.

Мама вернулась с юга молчаливая и постаревшая на несколько лет. Со мной она не разговаривала три дня. На четвертый тихо спросила:

— Заявление подали? — в голосе безысходность и отчаяние.

— Нет, нужно согласие родителей, — робко ответила я, не поднимая глаз.

— Завтра поедем. Папе пока не говори.

— Прости меня.

— Не сейчас.

На маму было больно смотреть. Я понимала, что не оправдала ее доверия, обманула надежды. Ее дочь в семнадцать лет станет матерью, а она сама — бабушкой. Мне было ужасно стыдно и страшно. Страшно за мое будущее, за наше будущее...

Свадьба состоялась солнечным сентябрьским днем. В момент нашего приезда неожиданно пошел «грибной дождь», и я расценила это, как хорошую примету к гармоничной жизни супругов. Гостей было совсем мало, вместо свадебного платья на мне красовался брючный костюм нежно-персикового цвета и кремовые босоножки на высоком каблуке. Фату беременной невесте мама надеть не позволила, поскольку это символ невинности,

которую я давно потеряла. Поэтому голову непутевой дочери украшала копна золотистых упругих локонов, старательно завитых родительской рукой, и несколько алых ягодок в прическе. Сама церемония прошла трогательно и мило: сотрудница ЗАГСа читала заученную речь с пожеланиями семейного счастья, гости поздравляли цветами и подарками, звучал свадебный Марш Мендельсона. По окончанию церемонии нам показали ее видеозапись, которая тут же стала свадебным подарком от родственников, купивших эту кассету.

После регистрации мы поехали домой к моему новоиспеченному супругу, и посидели немного за скромным праздничным столом, уставленным салатами, фруктами, овощами, сырно-колбасными нарезками, соками и сладостями. Пить, само собой, мне было нельзя, поэтому я поддерживала алкогольные тосты гостей бокалом вишневого сока. Довольно быстро все разошлись, поскольку пятый месяц беременности давался мне нелегко, и усталость была налицо.

Так, я стала законной женой и будущей матерью в то время, когда все мои одноклассницы, едва окончив школу, поступили в институты и познавали прелести студенческой жизни.

Начались будни молодой во всех смыслах семьи. Игорь получил отсрочку от армии в связи с моей беременностью. Жили мы то у его, то у моих родителей — так и мотались на два дома. Муж работал, приходил поздно и еле живой. Но между тем, он успевал баловать меня витаминами и вкусностями, терпел беременные капризы, выполняя все мои прихоти. Я была очень благодарна ему за эту заботу, и в моей груди росло, укрепляясь, нежное теплое чувство к отцу моего ребенка — чувство влюбленности в этого парня, так рано ставшего главой семьи.

Последний триместр беременности проходил тяжело, с отеками и многоводьем вследствие перенесенных заболеваний, которые появились, конечно же, благодаря моему «опытному» супругу, пребывавшему в полном неведении о наличии у себя целого букета половой заразы. Эта новость стала поводом для серьезной ссоры, в которой я кричала и била посуду, а Игорь виновато молчал. В период этой обострившейся ситуации раздался телефонный звонок. Прервав разборки, я подошла к телефону и взяла трубку.

— Слушаю.

— Ну, здравствуйте, Ксения Владимировна. Как поживаете?

Этот голос сложно не узнать... Вопрос только,

зачем он вдруг звучит на том конце провода?

— Привет, Егор, — я была раздражена ссорой с мужем, поэтому легко общалась с любовью из прошлого без дрожи в голосе, хотя сердце забилося быстрее. — Все хорошо. Как сам?

— Да, вот, сегодня буду в ваших краях, хотел увидеться.

— Странное желание... Собственно, как и то, что тебя внезапно занесет в нашу сторону города. Но ничего против не имею, приезжай. Давай только не раньше, чем через пару часов.

— Заметано. В пять я у тебя.

— Ну не у меня, а у метро. Сам должен понимать, что домой я тебя не приглашу, уж простите.

— Не вопрос, значит, у метро.

Положив трубку, я прислушалась к себе, но внутреннее спокойствие поражало и удивляло одновременно. Зашедшееся при первых звуках его голоса сердце, всего через несколько секунд восстановило обычный ритм. Неужели, больше не люблю?

Через полтора часа, спокойно одевшись, игнорируя вопросительные взгляды мужа, я вышла из дома и медленно пошла к метро. Вспомнилось, как я бежала этой дорогой 8 марта, чтобы встретиться с Пашей и Егором. Как неслась, едва касаясь земли, предвкушая счастье снова видеть

любимого... Сколько надежд, планов, мечтаний жило тогда в душе пятнадцатилетней девчонки. А сейчас эта девчонка стала всего лишь на полтора года старше, но в ней уже зародилась новая жизнь. Как мало времени прошло, как сильно все изменилось.

Заметив знакомый силуэт, я даже улыбнулась. Егор ничуть не поменялся: тот же лукавый взгляд карих глаз, обрамленных густыми ресницами, та же обезоруживающая улыбка, та же черная челка, только сережка из уха исчезла. Увидев меня, его лицо вытянулось от удивления:

— Горыныч сказал, что ты вышла замуж и ждешь ребенка, но всё равно меня шокирует твой вид.

— Сдал меня, значит, Пашка с потрохами... Он частенько звонит, приезжал пару раз, в отличие от некоторых, — неожиданно в моем голосе прозвучала обида.

— Ну, некоторые вообще замуж выскочили! — воскликнул Егор, взмахнув рукой.

— А что, надо было тебя подождать? Сколько, не подсказешь — пять лет, десять?

— А ты, я смотрю, сильно торопилась... Прости, Малыш, тебе ж нельзя нервничать, — его взгляд опустился на мой заметно округлившийся живот.

— Я больше не Малыш.

— Только не для меня, — голос Егора внезапно стал слишком тихим. — Знаешь, я же безумно любил тебя, просто боялся признаться в этом даже самому себе. Да, что — любил, я и сейчас тебя люблю.

— И зачем ты мне это говоришь? Почему сейчас? — его признание не растрогало, а почему-то разозлило, и меня вдруг понесло. — Потому что назад возврата нет? Ты знаешь, как я ждала тебя там, в лагере? Как никого не подпускала к себе на пушечный выстрел, надеясь, что ты приедешь хоть раз, каждые выходные высматривая тебя в толпе посетителей? Ты знаешь, сколько слез я пролила, когда ты просто исчез из моей жизни? Тот, кого я любила всем сердцем, всей душой... Мне было безумно больно, но я справилась, и не нужно теперь рассказывать о твоей «вечной любви». Я повзрослела и перестала верить в сказки.

— Прости, что причинил тебе боль. Только узнав, что ты вышла замуж, я понял, кого потерял. Да, я дурак! Ведь именно ты мне всегда была нужна, — Егор продолжал открывать мне душу, и я не могла понять, для чего он это делает. — Зачем, почему ты вышла замуж? Почему не позвонила хотя бы за день до свадьбы? Я бы забрал тебя, я бы не позволил другому стать твоим мужем! Ты же любишь меня и всегда любила, зачем тебе другой?

— Всегда любила... — эхом отозвалась я, — в прошедшем времени. А сейчас, извини, у меня семья и я жду ребенка.

— Ты счастлива? Ответь мне, только, честно — ты счастлива с ним?

— Да. Я счастлива. И ты, пожалуйста, исчезни снова из моей жизни, у тебя это прекрасно получается. Удачи на дорогах, Пупсик!

Я развернулась и направилась к дому.

В душе смешивались непонятные чувства — злорадство, досада, удовлетворение, удивление... Почему сейчас он говорит мне о своей любви, когда я уже не могу принять ее? Почему не тогда, когда я бесконечно нуждалась в нем, в его словах, в его признаниях? Просто потому, что он надеется на свою исключительность и уверен, что может диктовать свои условия и выдвигать свои требования. Ну, уж нет! У меня есть семья, и я не позволю ее разрушить.

Больше мы с ним не виделись. Осенью он позвонил и поздравил меня с днем рождения через маму, потому что сама я отказалась идти к телефону. Эта глава моей книги жизни давно закончилась, и я не желала возвращаться к прошлому.

VII

На дворе стоял снежный декабрь. Близилась предполагаемая дата родов, и аккурат первого января, переварив новогодние салаты, я легла на родовое отделение. Каждый день брали кровь на клинический анализ, и через какое-то время я уже плакала, потому что элементарно не могла держать ложку в руках — настолько мне искололи все пальцы. Я умоляла малыша родиться как можно скорее и прекратить мои мучения.

Безудержно скучая по мужу, я писала ему письма и стихи. Игорь приезжал почти каждый день, привозил мне домашние вкусности, да и родители частенько проводывали, но мне нестерпимо хотелось быстрее убраться отсюда с милым сердцу свертком в руках.

К счастью, мои мольбы были услышаны, и на неделю раньше поставленного по УЗИ срока, я начала рожать. Тупые схватки, начавшиеся в час ночи, длились до одиннадцати утра, пришедший начальник отделения проколол плодный пузырь и тут начался настоящий ад. Я выла, кричала, материла, на чем свет стоит, своего супруга и весь мужской род. Молодой интерн, сидевший на стуле в углу, носом утыкался в свои записи, потому как стоило ему на меня взглянуть, я моментально заводилась:

— Чего вылупился? Не видишь — я подыхаю!
Предприняв две попытки прослушать

медицинской трубкой сердцебиение плода, и будучи посланным ко всем родителям и прародителям, он больше ко мне не подходил. В какой-то момент мне стало его жаль — надо же парню на ком-то учиться, иначе, как он станет врачом? Поэтому, отдышавшись после очередного спазма, я снисходительно сказала:

— Подходи и слушай сердечко между схватками, потому что когда ты приходишь во время этих попыток и тычешь в меня своей трубкой, мне хочется разорвать тебя на куски.

Наконец, когда солнце давно село за горизонт, а время приблизилось к восьми вечера, акушерка повела меня в род зал. Сколько фильмов я пересмотрела, где рожениц аккуратно на кресле или на каталке везут рожать. Какое там! Я шла сама! Да, это было всего пять метров, но когда у тебя уже показалась головка и ты реально чувствуешь ее при ходьбе, это не «всего пять метров», это «целых пять метров» — огромный путь, наполненный страхом родить малыша головой в кафельный пол.

Тринадцать часов мучений, четыре мужчины в белых халатах перед семнадцатилетней девчонкой, едва прикрытой куцей казенной сорочкой и, наконец, раздался долгожданный крик. Врач поднял надо мной маленького чумазого малыша:

— Поздравляю! Вот Ваш мальчик — три

килограмма пятьсот грамм, пятьдесят один сантиметр, девять/десять баллов по шкале АПГАР.

— Мальчик? — удивленно спрашиваю я.

— А Вы не знали? — доктор смотрит на меня улыбающимися глазами.

— Не знала, — мне, действительно, был неизвестен пол ребенка, а никаких внутренних догадок не возникало.

Я смотрю в глаза своего сына, а они синие-синие, как море. И это ощущение, как будто он смотрит мне в душу... Нахлынувшие в такой момент эмоции не описать в книге, их не пересказать словами, это можно только почувствовать всем сердцем, всем своим существом ощутить и наполниться до самых краев нескончаемой, безграничной, ни с чем несравнимой любовью.

Сына приложили к груди, а мне вдруг невыносимо захотелось спать, последняя мысль абсолютно неожиданная: «Жаль, нельзя дать имя моей первой любви — муж не позволит...» Словно сквозь вату в ушах доносился голос громкий доктора:

— Не смей спать! Не засыпай! Потерпи! Нельзя сейчас, я должен видеть твои глаза. Надо немного зашить.

Я вспомнила, что в процессе родов, в какой-то момент, не послушалась акушерку, и раздался

возглас врача: «Ну что ж ты наделала?!» Наверное, я порвалась до самых ушей, но мне, честно говоря, было совершенно все равно. В тот миг хотелось только одного — чтобы все поскорее закончилось. И вот роды позади, а мне не разрешили спать. С трудом я разлепила веки и дождалась окончания всех манипуляций, чтобы с чистой совестью забыться сном. Спать — какое же сладкое слово...

Спустя некоторое время, меня завезли в одноместную палату, о которой заблаговременно позаботились мама с папой. Санитарка переложила измученное родами тело с каталки на кровать, и ушла. На часах десять вечера, я провалилась в сон.

VIII

Вернувшись из роддома в родные стены, я начала вливаться в новую жизнь, наполненную детским плачем, бессонными ночами, бесконечными бутылочками, кормлениями, пеленками, прогулками, взвешиваниями и прочими прелестями. Первое время помогали наши с Игорем мамы, муж работал, я наслаждалась материнством. Хотя мне тоже довелось поработать: спустя четыре месяца после родов бывшая одноклассница пригласила пару недель постоять на промоушне, рекламируя жвачку. Благодаря помощи родных Игоря я могла уходить на 4 часа в день, что

позволило мне подзаработать и отложить немного денег.

Поначалу наша семейная жизнь была замечательной: мы с сыном знакомились друг с другом, учились прислушиваться и понимать. Первая улыбка, первый осознанный взгляд, первый зуб и такое трогательное: «мама». Игорь светился, как начищенный самовар, гордо прогуливаясь с голубой коляской по нашему микрорайону в свои выходные дни. А когда сын впервые внятно произнес «папа», муж заплакал от радости, прижимая к себе поочередно то меня, то нашего малыша. Но с течением времени у супруга началась черная полоса — он терял одну работу за другой, на столе все чаще стали появляться бутылки пива, что меня сильно настораживало и огорчало. На лето Игорь отправил нас с сыном на дачу, а сам остался в городе для очередного трудоустройства.

На природе было хорошо! Я с удовольствием наблюдала за тем, как мой малыш радовался новым открытиям в свое первое лето: маленьким пушистым цыпляткам, ярким цветам, душистым деревенским яблокам, которые легко помещались в детской ладошке. Погода стояла прекрасная, и мы проводили много времени на улице, наслаждаясь обществом друг друга.

В одну из теплых июльских ночей мне вдруг стало не по себе, в душе зашевелилось непонятное

предчувствие. Моя интуиция редко ошибается, появилось беспокойство, которое привело к бессоннице. Ни мятный чай, ни капли валерьянки, ни монотонный счет до пятидесяти и обратно мне не помогали — я просто лежала пол ночи перед открытым окном, затянутым москитной сеткой, и бессмысленно смотрела на звездное небо. Как же я была права, рыдая тем летом, которое после детского лагеря показалось мне последним. Получается, я чувствовала, что оно завершит мое детство. Ведь дальше началась новая жизнь, из которой исчез Егор, но появился Игорь и наше маленькое солнышко — мой сын. В памяти вспыхнули трогательные моменты первой встречи с малышом в роддоме, растерянность мужа, сменившаяся счастьем и восторгом. Постепенно веки мои отяжелели, и я провалилась в сон. Мне снилось многое, но то, что я увидела перед пробуждением, заставило тело покрыться испариной, а лицо слезами...

«Я стою на автобусной остановке рядом с Егором, мы молчим, но взгляды наши выражают нечто, для чего не нужны слова. Он берет меня за руку и делает шаг назад, заносит ногу на ступеньку подошедшего автобуса, утягивая меня за собой. Я уже поднимаюсь за ним, но вдруг слышу окрик Игоря, и останавливаюсь. Муж стоит всего

в нескольких метрах от меня с нашим сыном на руках и безотрывно смотрит. «Ксюша, пойдем, нам пора» — произносит он, наконец. И я, вздрагивая, поворачиваюсь к Егору. «Нет, пожалуйста, останься, я люблю тебя», — умоляет он.

«Ксюша, мы ждем», — подгоняет Игорь. «Ты нужна мне, пожалуйста», — глаза Егора смотрят глубоко в мою душу, но я медленно высвобождаю свою руку из его ладони и отступаю к мужу. «Прости, они — моя семья... прости... ты опоздал... не могу... Прости» — шепчу я, ускоряя шаг и стараясь не замечать, не слышать крики когда-то безудержно любимого мной человека. «Нееееет! Вернись!» — несется мне вслед, но я догоняю мужа, глажу сына по маленькой теплой коленке и, не оборачиваясь, мы уходим...»

Тишина, темнота, мерное посапывание сына в детской кроватке, мокрое от слез лицо, бешеный стук сердца и путаница мыслей в голове: «Что это? Почему вдруг сейчас, когда я счастлива, приснился этот сон? Зачем? Неужели подсознание не может отпустить мою первую любовь?» Наконец, понимаю главное — в этом кошмарном сновидении я выбрала семью. На этом сердечный ритм восстановился, я сделала глубокий вдох, и провалилась в спокойный сон до утра — сон без

выбора, без прошлого — просто забытие.

Через неделю в гости приехала мама и привезла от Игоря письмо, полное любви, нежности и заботы. Муж написал много слов, но не передал ни денег, ни питания для нашего сына, а это указывало на то, что он опять без работы. Я насторожилась, расспросила маму о муже, но никакого вразумительного ответа не добилась. Она видела Игоря только однажды, когда забирала это послание. Деньги для малыша мне дала мама, заставив почувствовать себя неуютно, ведь у меня был законный супруг, на котором лежала ответственность за семью, и он был обязан нас содержать.

IX

Спустя месяц я решила вернуться в город, поскольку сердце было не на месте. Все оказалось хуже, чем я думала. Пиво стало неотъемлемой частью жизни моего мужа. Поначалу он перескакивал с одного места работы на другое, и, в конце концов, окончательно превратился в тунеядца. Как оказалось, последнее время родственники Игоря постоянно оказывали нашей семье финансовую помощь, зачастую по его просьбе. Этот факт меня возмутил до глубины

души хотя бы потому, что я ни сном, ни духом не знала о таком попрошайничестве. Насколько Игорь был прекрасным любовником, настолько он оказался отвратительным супругом.

Как нельзя кстати пришились деньги, заработанные мной на промоушне. Хорошо, что я тогда не поддалась на уговоры Игоря бросить эту затею и сидеть дома, поскольку на ту пору он отлично зарабатывал. Благодаря моему упрямству появилась небольшая финансовая подушка, что в сложившейся ситуации очень помогло. Но все имеет свойство заканчиваться, и мои сбережения тоже быстро подошли к концу. Надо было что-то делать, однако Игоря, похоже, все устраивало. Отношения в семье стремительно портились, запах перегара наполнял нашу комнату каждый вечер, и это меня убивало, ведь мы находились там вместе с малышом. Хуже всего, что у него появились приступы агрессии.

Когда мы с сыном в очередной раз вернулись от бабушки, где гостили на выходных, я увидела следы копоти на двери родительской квартиры; местами висели лоскуты оторванной обшивки, звонок вместе с проводом был вырван из стены. Пришлось обратиться за разъяснениями к маме.

— Мам, что произошло?

— Небольшой инцидент, — мама заметно занервничала, и стало ясно, что она пытается

умолчать о чем-то важном.

— Какой?

— Да, ладно, не стоит внимания.

— Мама! Что произошло? — настаивала я, понимая, что она просто не хочет расстраивать, переживая за мою реакцию, тем более что малыш еще был на грудном вскармливании, а стрессы чреваты пропажей молока.

Видимо, мое лицо красноречиво выражало твердые намерения узнать правду, потому что мама начала говорить:

— Просто... несколько дней назад Игорь пришел пьяный, стал долбить в дверь и требовать тебя. Папа сказал, чтоб он проспался, если забыл, что вы уехали к бабушке. Но твой муж не ушел, а стал плевать в глазок, угрожать, потом вырвал звонок и поджег дверь.

Мама отвела взгляд и тихо добавила:

— Знаешь, Ксюша, мне кажется, у него была белая горячка — он кричал, что ты дома, и мы просто тебя прячем, а потом просил спасти его от чертей, которые за ним гонятся. Может, его лечить надо?

— Прибить его надо! Ну, я ему устрою.

Я была в шоке — поджог дверь?! Он же мог убить моих родителей, сестру... И этот монстр — мой муж, отец моего ребенка? Отдав маме сына, я бросилась из дома, раздираемая злобой и яростью.

Игорь открыл дверь с бессменной белоснежной улыбкой, довольно промурлыкав:

— Ооо, моя Зая приехала!

Вместо ответа я набросилась на него, отвешивая одну пощечину за другой, и выкрикивая ругательства:

— Ты подонок! Ты мог убить мою семью! Жену тебе? Ребенка? Хрен тебе! Ты вконец пропил последние мозги, если думаешь, что я это так оставлю! Звонок починишь, дверь перетянешь, а сына будешь видеть раз в неделю по выходным, скотина! И скажи «спасибо», что я не пишу на тебя заявление в милицию за намеренный поджог!

Муж пятился назад, даже не пытаюсь защищаться от моих нападков. Понимал, котенок, в чьи тапки написал, как говорится.

Выполнив свою миссию, я выскочила от Игоря и побежала домой. В голове пульсировали мысли о разводе: «Похоже, придется послать его на все четыре стороны — нафиг мне псих ненормальный с белой горячкой? Пора идти в суд и подавать на алименты, может, «закодируется» и работу себе найдет».

Зайдя в родительскую квартиру и обняв сынишку, мне удалось отдышаться, успокоиться и подытожить: «Проживу как-нибудь без мужа. Лучше уж одной, чем с кем попало. И вообще, я же не одна — у меня есть замечательный малыш, за

которого, кстати, я должна благодарить Игоря». После всех этих событий я настолько устала, что уложив ребенка спать, мигом отключилась сама, как только моя голова коснулась подушки.

Каждый день звонил муж, звонили его родители, но мне не хотелось ни с кем разговаривать. Спустя неделю Игорь поймал нас с сыном на улице, когда мы гуляли. Схватив меня за локоть, он начал так быстро говорить, как будто боялся забыть слова:

— Прости, Зай, пожалуйста, дай мне шанс. Я брошу пить, устраюсь на работу, все снова будет хорошо, как раньше. Пожалуйста, не прогоняй меня. Да, каюсь, оступился, но я осознал и готов исправиться. Пожалуйста, Ксюша, дай мне возможность доказать, что я хороший муж и отец!

Я смотрела на него и размышляла, как поступить. Мой жизненный принцип — каждый может ошибиться, и человеку нужно всегда давать возможность все исправить, этот шанс должен быть у каждого. Поэтому, решение оказалось в его пользу. Высвободив свою руку, я твердо сказала:

— Хорошо. Ты устраиваешься на работу, завязываешь с выпивкой, и тогда мы пробуем начать все заново.

— Родная, спасибо! Ты не пожалеешь.

«Дай Бог», подумала я, развернулась и

медленно пошла к дому, толкая перед собой голубую коляску.

Х

К моему удивлению и радости, все, действительно, стало налаживаться — Игорь перестал пить, каждый вечер и выходные проводил с нами, устроился на хорошую работу — просто семейная идиллия. Я искренне верила, что мой муж изменился в лучшую сторону.

В один из вечеров позвонил Паша.

— Привет, Халва!

Я внутренне вздрогнула — по моей просьбе он давно не называл меня так.

Дело в том, что когда мы дружили в санатории, Горыныч редко называл меня по имени, в основном Халвой. Егор спросил как-то, почему именно «халва»? Пашка улыбнулся и ответил, что просто я сладкая. Тогда Егор заметил, что конфетка тоже сладкая, но Горыныч признался в равнодушии к конфетам и любви к халве. Тогда Егор засмеялся, притянул меня к себе и показал другу кукиш, сказав при этом: «Ну, значит, твоя любимая сладкая халва принадлежит мне, а тебе — фиг без масла!» И после нашего расставания с Егором я очень просила Пашу называть меня как угодно, только не так — слишком болезненными были воспоминания.

Но теперь он, видимо, решил, что прошло достаточно времени, и я уже совсем остыла. Оказалось — не совсем, но я не стала заострять внимание на этом прозвище, хотя немного в груди кольнуло.

— Привет, Паша.

— Как делища? Как семейная жизнь?

— Да как у всех — переменная облачность, возможны осадки, но в целом неплохо.

— Рад за тебя! Слушай, а если я приеду завтра вечером, погуляешь со мной немного?

— С чего тебе приспичило? — удивилась я. Раньше Паша приезжал часто, но, когда я родила, времени на посиделки у меня не осталось, и потихоньку он забыл дорогу к моему дому.

— Соскучился.

— Да что ты? Ладно, приезжай, немного погуляю.

— А муж ревновать не будет?

— Нет, я про тебя рассказывала, да и он же тебя видел много раз. Какая ревность?

— Вот и отлично! Давай в семь?

— Хорошо. До завтра.

— Пока!

Положив трубку, я улыбнулась приятным воспоминаниям: приезжая, Пашка всегда веселил меня, стараясь вызвать на моем лице такую улыбку, при которой на щеках выступают ямочки. Он был

хорошим другом и не раз выручал, в любой момент мог выслушать, а если надо — приехать и помочь делом. И я была ему безмерно благодарна за эту бескорыстную дружбу. Мне хотелось верить, что бескорыстную, хотя София убеждала, что я просто использую влюбленного в меня парня.

На следующий день я попросила маму приглядеть за сыном и отправилась к метро. Подойдя к выходу, обомлела — навстречу шел Егор с тремя белыми розами.

— Ну, здравствуй, Малыш. Ты прости Горыныча, что обманул, это я просил тебя вытащить на улицу. Он долго упирался, но я привел ему весомые аргументы и он согласился.

— Вот засранец! — я оправилась от шока. — Что ты такого ему наговорил?!

— Ничего особенного. Только сказал, что не могу без тебя дышать, что люблю тебя и хочу вернуть. Хочу, чтобы ты была только моей и больше ничьей. И это, кстати, тебе — он протянул мне цветы.

— Что за бред? — я в шоке хлопала ресницами, не понимая, что вообще происходит. — И куда мне девать эти цветы, что сказать? Я не вру мужу.

— Скажешь, что подарил случайный прохожий, — Егор улыбнулся краешком губ, склонив голову набок.

— Отличная идея, а главное — правда. Егор, ты теперь просто случайный прохожий в моей жизни. Все давно закончилось, нет больше НАС, есть ты, а есть я и моя семья. Как ты не можешь этого понять?!

— А как ты не можешь понять, что однажды потеряв тебя, я не повторю эту ошибку снова?! Да, мне потребовалось время, чтобы понять, насколько сильно я люблю тебя.

— Ой, прекрати, давай без пафоса. «Люблю, понял, осознал» — оставь это для кого-нибудь другого. Довольно мне пудрить мозги, я уже давно не та наивная девочка, чьи мечты ты растоптал, разбив сердце. Слишком поздно, Егор. — Мне бы хотелось, чтобы все эти фразы я говорила спокойно, но голос предательски дрожал. — Почему не раньше? Почему именно сейчас?

— Я хотел раньше, и я просил тебя вернуться, помнишь тогда, осенью? Мне безумно захотелось тебе позвонить, но было не найти твой номер, пришлось звонить Горынычу. Это он мне сказал, что ты вышла замуж и ждешь ребенка. В тот момент мой мир рухнул. Я хотел приехать и сказать, как сильно ты нужна мне. Пашка долго не давал твой номер, уговаривал оставить в покое и не ломать жизнь прекрасной девушке. Он рассказал, как ты страдала, когда я пропал и не приехал к тебе в лагерь. Но ведь все люди ошибаются! Я тогда был

молод, не понимал, какое счастье — быть с тобой. Вспомни твоего любимого «Маленького принца»: *«ты навсегда в ответе за тех, кого приручил»*.

— О, если ты решил цитировать Экзюпери, цитируй полностью: *«Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать»* Ты забыл об этом? Я свое выплакала, больше слез нет. Когда-то я нуждалась в твоей любви настолько сильно, насколько, возможно, ты сейчас нуждаешься в моей. Но я не могу, и не хочу рушить семью, в которой только-только все стало налаживаться. Да я все уже сказала той осенью! Трудно доходит? Ты опять появляешься ни с того, ни с сего, и пытаешься сломать все то, что я так долго выстраивала. Зачем тебе это? Зачем ты приехал? — Я уже не могла сдержать обиды, копившейся во мне все эти годы. Голос срывался, переходя на крик и было всё равно, что мы стоим посреди улицы, а на нас смотрят люди. — Тебя разве беспокоило, каково мне, когда ты просто взял и исчез? Тебя волновало, что чувствует девушка, для которой ты не просто один из многих, а любимый и родной человек? Нет, тебе было наплевать и на меня, и на мои чувства. А теперь, думаешь, можно просто взять, ворваться в мою жизнь и все изменить? У меня муж, сын, зачем тебе чужой ребенок? Иди, ищи свою любовь, рожайте своих детей, любите друг друга и будьте счастливы!

— Да неужели ты не можешь понять! — его глаза сверкали, каждый мускул на лице был напряжен. — Я не могу искать другую любовь, потому что мне нужна только ты, и твой ребенок никогда не будет чужим для меня! Пожалуйста, я прошу!

— Это я прошу... — мой голос стих, — прошу, не мучай меня. Я с таким трудом вырывала из сердца куски воспоминаний, связанных с тобой. Мне дорого это далось. Не заставляй меня снова испытать эту боль. Я не смогу обрести и потерять тебя снова, во мне нет столько душевных сил.

— Девочка моя, ты не потеряешь меня. Я всегда буду твоим, мое сердце принадлежит только тебе, я весь твой навсегда. Малыш, прошу тебя, умоляю! Ты не пожалеешь, если дашь мне шанс.

— Я не могу. Не могу, прости. Может, часть меня хочет быть рядом с тобой, но это невозможно. Прости... — Я смотрела на некогда горячо любимого парня и медленно отступала назад. Моя душа разрывалась на части — одна безумно хотела остаться с Егором, другая бежала прочь, в семью. Оказалось, что мне так и не удалось избавиться от этой любви, и она до сих пор жива в моем сердце.

— Я должен еще кое-что тебе сказать, — Егор посмотрела на меня, и тут же отвел взгляд. — Помнишь, когда мы виделись последний раз? В тот день я ехал к тебе в надежде, что сказанное

Горынычем всего лишь злая шутка и ты не замужем. Надеялся, что он просто хотел любыми способами отговорить меня встречаться с тобой, и поэтому придумал эту нелепую легенду с замужеством и беременностью. Я хотел сказать, как сильно мне не хватало твоих губ, твоего смеха, твоих рук все это время. Но когда я увидел, что ты действительно ждешь ребенка, во мне что-то надломилось, треснуло, разбилось, я понял, что потерял тебя навсегда. В этот день, вернувшись домой, я впервые попробовал наркотики. Я был взбешен, зол на тебя, что ты не дождалась меня, хотя прекрасно понимал, что такая девочка никогда не останется одна. Зол на себя, что не смог в свое время оценить то, что ты давала мне. И я с мазохистским наслаждением загнал себя в этот капкан. Я попробовал раз, потом еще, а затем мне было уже не остановиться. Да, малыш, твой любимый — героиновый наркоман, торчок, конченный человек... Не знаю, насколько хватит моей жизни после такого. Сейчас я завязал, работаю в Москве, здесь бываю раз в месяц. Родителям пришлось продать нашу огромную квартиру и быстро купить новую на другом конце города, чтобы оградить меня от поставщиков и моей зависимости. Теперь ты знаешь все.

Все это время Егор медленно обрывал белые лепестки роз, и к концу монолога асфальт под его

ногами словно покрылся снегом. Он замолчал, а я, повинувшись какому-то внезапному порыву, нежно провела ладонью по такому родному лицу, развернулась и пошла прочь. Спиной я чувствовала его взгляд, но не обернулась.

Зайдя домой, я первым делом позвала маму для разговора. Папы с Игорем еще не было, поэтому нам никто не мог помешать. Мы расположились в кухне, мама заварила мятный чай, разлила по кружкам, и сев напротив, участливо спросила:

— Что случилось?

— Мама, он вернулся, — мне было тяжело начинать этот разговор, но я не могла разобраться сама, как быть в сложившейся ситуации.

— Кто? — мама удивленно вскинула брови.

— Егор.

— Зачем?

— Я тоже его об этом спросила. Он просит меня быть с ним.

— Но у тебя семья, Ксюша!

— Да. Просто... такое дело... открылись новые обстоятельства.

Я пересказала маме наш с Егором разговор.

— Что мне делать? Мама! Я не знаю! Я по-прежнему люблю его, люблю так сильно, что с трудом сдерживалась, чтобы не броситься ему на

шею. Но все, что то, как он поступил со мной... и это его героиновое прошлое — а прошлое ли оно?

— Послушай, — мама нахмурилась, понимая, что от ее ответа многое зависит, — я не буду давать тебе советов, потому что ты большая девочка, должна сама принимать решения и нести за них ответственность. Просто подумай, не променяешь ли ты шило на мыло.

— Ясно, спасибо, — ответила я, хотя само собой, ничего мне было не ясно.

Да, мама намекнула, что наркоман отнюдь не лучше алкоголика, но принять решение мне это не помогло. Головой я понимала, что, оставшись с Игорем, вероятно, мы будем жить обычной рядовой семьей, а вернувшись к Егору, мы, возможно, станем счастливой семьей, где двое любят друг друга с самой юности. И вместе с тем, Игорь мог вернуться к алкоголю, а Егор — к наркотикам. Выхода нет, замкнутый круг, в центре которого мы с сыном.

Я мучилась всю ночь, думая, как мне поступить. Не найдя в себе сил принять самостоятельное решение, сердце обратилось к небесам: «Боже, прошу тебя, рассуди по справедливости — как мне быть? С кем мне быть?»

С этими мыслями я уснула.

Воистину:

«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят»/

(Евангелие от Матфея)

В этом мне пришлось убедиться следующим вечером — небеса не тянули с ответом...

Я уложила сынишку спать и легла сама, Игоря до сих пор не было. Когда я уже начинала дремать, ввалился муж — в обуви, в зимней куртке и в шапке. Комната мгновенно наполнилась отвратительным запахом перегара — Игорь опять пил. Он подошел к нашей кровати и обнял меня. Сил ругаться не было, я решила высказать ему все утром. А пока погладила по голове и сказала:

— Уже поздно, мойся и тихонько ложись, чтобы не разбудить малыша — я его еле усыпила.

Игорь молчал, а его объятие становилось все крепче и крепче.

— Перестань, мне больно. — Попытка высвободиться из железной хватки ни к чему не привела, стало только хуже — его предплечье оказалось на моей шее, и я почувствовала, что мне трудно дышать. — Игорь, отпусти!

Наша возня разбудила сына, он встал в своей кроватке и испуганно заплакал.

— Пусти! — уже кричала я. — Ребенок плачет, ты его пугаешь! Прекрати!

Но в моего мужа будто вселился бес — он начал повторять:

— Я люблю тебя, мне нужна только ты, ты всегда будешь моей, только моей, любимая...

При этом его рука все сильнее вдавливала мою шею в кровать, и стало безумно страшно, что я задохнусь. Ребенок уже кричал, муж, как в бреду, твердил оно и то же:

— Люблю тебя, люблю, моя...

Это было похоже на кошмарный сон. Нащупав левой рукой будильник, стоявший на прикроватном столике, я со всего маху ударила им об голову мужа. Игорь сел, посмотрел на меня стеклянными глазами, взял будильник и несколько раз ударил им об свою голову. Хлипкий пластик разлетелся в крошку.

— Жалко будильник, — сказала я.

В ту же секунду в моих глазах вспыхнули миллиарды искр, из носа потекла вода, в ушах зашумело, плач ребенка слышался, словно из-под воды. Я дико закричала от боли и страха. Мой муж, отец моего ребенка, клявшийся мне в любви и обещавший бросить пить, лишь бы я позволила ему оставаться рядом, ударил меня.

— Че ты орешь? Подумаешь — пощечина, тем более левой рукой, вообще слегка.

На мой крик пришел папа.

— Что происходит? Почему Ксюша плачет?

— Нервная потому что, — зло ответил Игорь.

— Ты ударил ее?

— Да совсем легонько приложил, — похоже,

мой муж вообще не понимал, что произошло несколько минут назад.

— Пойдем-ка, побеседуем.

Игорь вышел за папой, мама велела мне взять сына, и мы пошли в ванную. Там она осмотрела мое лицо — к счастью нос оказался цел, хотя ощущения были такие, как будто он сломался.

Слышно было, как папа что-то объясняет, затем послышалась возня. Выбежав из ванной, мы увидели папу с Игорем, сцепившихся врукопашную. Муж мой боксер, но папа в три раза больше и тяжелее. Я бросилась к телефону, чтобы вызвать милицию, мама пошла на кухню за каким-нибудь успокоительным. Вывернувшись из папиных рук, Игорь кинулся ко мне и вырвал розетку с проводами из стены. Боже! Какой же он был страшный! Какой-то другой человек с сумасшедшими глазами и звериным оскалом!

Подбежала мама и всадила в руку обезумевшего парня успокоительное. Буквально через несколько минут он затих, обмяк и пошел на кухню пить чай. Я, едва оправившись от потрясения, укачала сына на руках и легла в супружескую постель. Леденящий ужас сковывал все мое тело. Я вжалась в стенку и, внутренне содрогаясь, ждала появления Игоря.

Он пришел через час, лег рядом, обнял меня и спокойно уснул.

Зато мне уснуть оказалось не под силу. Вчера я просила небеса подсказать верное решение. Эта ситуация наглядно показала, какое будущее меня ждет с этим мужчиной. Наконец, сформировалась четкая мысль: «Решено — я не уйду к Егору, я просто уйду от Игоря».

Утром муж, как ни в чем не бывало, собрался и ушел на работу. Я быстро собрала все его вещи до единой, и поставила в прихожей. Первое, что увидел Игорь, войдя в квартиру — сумка с его барахлом.

— Привет, Зая. А это что?

— Ты реально ничего не помнишь или считаешь произошедшее вчера нормой семейных отношений? Посмотри на меня!

— И что? — он так удивился, будто я попросила оценить мою новую прическу.

— Синяки под глазами, кровоизлияния в них тебе не кажутся странными?

— Ну, я ж не знал, что ты такая нежная.

— Игорь, ты в своем уме? — я была в шоке от такого поведения, — меня полдня тошнило, у меня кружится голова, мама считает, что это сотрясение мозга и советует написать на тебя заявление в милицию. А ты считаешь, что проблема просто в моей излишней нежности??

— Да ну что-такого-то? Поссорились немного.

— Поссорились? Да я спала и никого не

трогала, пока ты не явился абсолютно невменяемый! После такого ты должен был на коленях приползти с букетом цветов и умолять простить. Я еще не знаю, как это отразится на сыне — ты напугал его своей агрессией. Забирай свои манатки и проваливай из моего дома, — несмотря на то, что я обещала себе быть спокойно, в эту минуту возникло непреодолимое желание взять что-нибудь тяжелое и пробить эту безмозглую голову, маячащую напротив.

— Ты шутишь?

— Посмотри еще раз на мое лицо и подумай, шучу ли я? Ключи! — я вытянула руку ладонью вверх, испепеляя его взглядом.

Игорь отдал мне ключи от квартиры, взял сумку и вышел.

Крупная дрожь сотрясала все мое тело, я была просто в ярости! Как можно так спокойно реагировать на вид избитой жены? Куда делся тот нежный заботливый парень, за которого я вышла замуж? Остро нуждаясь в поддержке, я позвонила Соне.

— Милая, ты нужна мне сейчас.

— Скоро буду, — коротко ответила София.

Моя подруга всегда придет на помощь, в любое время дня и ночи. Вот и сейчас она, не задумываясь, отпросилась с работы и примчалась. Увидев мое лицо, Соня испуганно вскрикнула:

— Что за хрень? Что с лицом? Кто это сделал?!

Мы прошли в кухню, сели за стол и я в деталях посвятила подругу в события последних двух дней, начиная с признаний Егора и заканчивая разборками с Игорем.

— Да что же происходит с тобой? Егор пошел нахрен со своей любовью, наркоман херов! А этого урода вообще посадить — пусть за решеткой кулаками машет! — Соня разошлась не на шутку и стукнула кулаком по столу.

— Я люблю его...

— Этого козла? — София не уточнила, кого имела в виду, но я поняла.

— Нет, Егора. Все еще люблю.

— Ксюша, бывших наркоманов не бывает, не влезай в это, — подруга смотрела на меня с сочувствием, прекрасно понимая, что я все равно не послушаюсь.

Тут в дверь позвонили.

— Это кто?

— Не знаю, я никого не жду.

Соня вышла из-за стола первой, прошла в коридор и посмотрела в глазок.

— Нет, ну вот, блин, наглый! Муж твой!

Я открыла дверь — на пороге стоял Игорь с букетом роз.

— Это тебе, прости меня, — улыбка во весь

рот не подняла его в моих глазах ни на сантиметр.

— И что, вот, реально думаешь, что я сейчас тебя пушу и все забуду? — я зло усмехнулась.

— Ну, можно попробовать так поступить.

— Цветочками решил откупиться... А не мала ли цена? Достаточно того, что я не пишу на тебя заявление в ментовку. Гуляй отсюда.

— Ксюша, пожалуйста. Позволь мне исправиться, не забирай у меня сына.

Лишать ребенка родного отца мне не хотелось, и мой муж прекрасно знал, на что надавить. Я задумалась. Заметив мое замешательство, Соня стала буравить меня взглядом, но я слишком быстро приняла решение.

— Хорошо. Сроку даю — два месяца. Ты абсолютно бросаешь пить и устраиваешься на работу. В течение этого времени можешь видеться с сыном по выходным. Разговор окончен, спасибо за цветы.

Я захлопнула дверь перед его носом, оставив переваривать полученную информацию. Подруга схватила меня за рукав и почти закричала:

— Какой испытательный срок? Ты совсем спятила!

— Я всего лишь хочу дать человеку шанс.

— Господи, Ксюша, ты давала уже один, причем, совсем недавно, помнишь? И даже, если не ошибаюсь, на тех же условиях. И чем все это

закончилось, а? Да что за аттракцион невиданной щедрости ты устраиваешь? — София гневно сверкала глазами и жестикулировала руками.

— Этот — последний, — твердо отрезала я. — Просто мне пока нечего сказать Егору, не знаю... я запуталась... Мне нужно время. Ладно, спасибо большое за поддержку.

— Ох, сумасшедшая. Люблю тебя, пожалуйста, не наделай глупостей.

Соня обняла меня и побежала обратно на работу.

XII

Потянулись дни, в которые, согласно нашему уговору, Игорь устроился на производство, не притрагивался к спиртному и раз в неделю гулял с сыном.

— Я работаю и веду трезвый образ жизни — гордо выпятив грудь, похвастался он при встрече.

— Молодец! Две недели позади, посмотрим, насколько тебя хватит.

Глядя на его пухлые губы я вдруг поймала себя на мысли, что дремавшая внутри меня женщина не готова отказаться от своего, принадлежащего ей по праву.

— А знаешь что, я зайду к тебе через полчаса.

— Что-то случилось? — удивился он.

— Ничего особенного, просто есть небольшое дело.

Мы разошлись, а мозг стал посылать сигналы бедствия: «SOS! Ксюша! Что ты творишь? Одумайся!» «Heет, отстань, имею право, хочу и все!» — выстукивал пульс откуда-то из глубины живота.

Быстро приняв душ и переодевшись, я почти побежала к дому Игоря. Поднявшись в квартиру опального мужа, наткнулась на открытую дверь, что оказалось весьма удобно. Позвонись я, и это бы стало известно всем остальным членам семьи, а мне сейчас нужна конспирация.

Игорь сидел в комнате.

— Пока мы еще женаты, мне кое-что от тебя нужно... — с этими словами я закрыла двери и принялась расстёгивать пуговицы на блузке. Его лицо вытянулось от удивления.

— Не понял?

— Чего не понял? — я подошла к нему вплотную — Раздевайся. Мне нужен от тебя только секс, в губы не целуй.

— Охренеть! — Игорь не мог прийти в себя — Это с чего такая королевская щедрость?

— Ты отвратительный муж, но как любовник ты меня устраиваешь на все 100 %. Пока мы не в разводе, я не стану искать тебе замену. Все просто. Предлагаю встречи для секса, скажем, дважды в

неделю. Ты согласен?

Вместо ответа Игорь молча стал расстегивать ремень.

Наблюдая за его действиями, я испытывала странное чувство: любви нет, мне не хотелось его поцеловать или погладить, не хотелось запустить пальцы в его волосы, как было раньше, когда мы только встречались. Между тем, его накачанное тело пробуждало во мне животный инстинкт, я была в шоке от самой себя. Что это? Обычно так ведут себя мужчины — используют женщин для удовлетворения своих сексуальных потребностей. Сейчас же получалась ситуация наоборот. Мои мысли прервал его хриплый шепот:

— Я согласен...

После всего случившегося, быстро одевшись, я похлопала его по плечу и насмешливо произнесла:

— Молодец. Ты отлично справился, до встречи через три дня.

— Постой!

Я обернулась.

— А целоваться совсем нельзя?

— Нет, мне неприятно, когда ты касаешься моего лица. Я еще помню твою пощечину.

Закрыв дверь, я молча спустилась и вышла на улицу с абсолютной уверенностью в своей